

Е. Е. Красноженова, Е. А. Гребень

Принудительный труд населения в условиях нацистской оккупации 1941–1944 гг. (на материалах пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России)

Красноженова Елена Евгеньевна

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
политехнический
университет Петра
Великого (Санкт-
Петербург, Россия)

Гребень Евгений Александрович

канд. ист. наук,
доц., Белорусский
государственный
аграрный технический
университет (Минск,
Республика Беларусь)

Финансирование

Исследование
выполнено при
финансовой
поддержке РФФИ
и БРФФИ в рамках
научного проекта
№ 20-59-00004;
№ Г20Р-287 «Народ
и власть: оккупанты,
коллорабонаристы
и партизаны на
пограничной
территории Беларуси
и Северо-Запада
России в 1941–1944 гг.»

В годы Великой Отечественной войны на пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси был установлен жестокий оккупационный режим, продолжавшийся с 1941 по 1944 г. Особенности оккупационной политики и преступления нацизма явились предметом исследования российских и белорусских историков¹. Одним из тяжелейших преступлений против гражданского населения стало использование его труда на оккупационных предприятиях и угон на принудительные работы в Германию. Эта проблема нашла отражение в советской и постсоветской белорусской и российской историографии². Однако необходимо дальнейшее исследование данного вопроса на локальном уровне, выявление специфики происходившего на территории белорусско-российского пограничья.

В историографии и общественном мнении утвердился стереотип о трудовой повседневности относительно граждан СССР, вывезенных на принудительные работы в Германию, а также о военнопленных и узниках концентрационных и трудовых лагерей. При этом в поле зрения не попадает история трудовой повседневности на оккупированной территории. Между тем необходимо учитывать, что количество местной рабочей силы, эксплуатируемой различными немецкими оккупационными учреждениями, многократно превышало количество оstarбайтеров. Так, на территории оккупированной Беларуси было создано 73 лагеря для гражданского населения, действовало 54 трудовых батальона и рабочих команд, 21 лагерь для военнопленных и гражданских лиц, 47 тру-

довых лагерей. На основании расчетов, приведенных белорусским исследователем С. Е. Новиковым, общее количество привлеченного к принудительному труду гражданского населения Беларуси за три года ее оккупации правомерно оценить в 2 млн чел., включая почти 400 тыс. белорусских остарбайтеров³. С территории Ленинградской области в период оккупации были насильно вывезены в Германию 404 230 мирных граждан⁴.

Нацистская политика имела целью масштабное трудоустройство местного населения на оккупированных территориях. Еще 7 ноября 1941 г. в Берлине состоялось секретное совещание, на котором рейхсмаршал Геринг дал своим чиновникам указания об использовании советских людей на принудительных работах в Германии. Для проведения в жизнь чудовищной работодельческой программы был создан огромный чиновничий аппарат. Главным уполномоченным назначен Фриц Заукель. 20 апреля 1942 г. он разослал правительственным и военным органам свою «Программу по использованию рабочей силы». В этом документе говорилось: «Крайне необходимо полностью использовать в оккупированных советских областях имеющиеся людские резервы... Наряду с уже имеющимися военнопленными, находящимися в оккупированных областях, главным образом необходима мобилизация гражданских квалифицированных рабочих и работниц из советских областей в возрасте старше 15 лет для использования их на работе в Германии»⁵.

Уже в первые недели оккупации в населенных пунктах восстанавливались объекты, обеспечивавшие их жизнедеятельность: в первую очередь, коммунальные предприятия в городах, где размещались большие гарнизоны, штабы и военные учреждения. В ряде городов нацисты восстановили некоторые промышленные предприятия, выпускавшие продукцию для нужд захватчиков. Так, во Пскове был восстановлен завод «Пролетарий», выпускавший меховые жилеты и рукавицы для вермахта; на льночесальной фабрике — организовано ткацкое производство. В Лужском районе Ленинградской области работало два лесопильных завода; функционировало большое количество заводов по первичной переработке льна. В Пскове и Порхове работали овчинно-тулупные предприятия⁶.

Распоряжением рейхсминистра занятых восточных территорий А. Розенберга от 5 августа 1941 г. вводилась обязательная трудовая повинность для всех жителей в возрасте от 18 до 45 лет. Для выполнения трудоемких физических работ по постройке и расчистке дорог, строительству мостов, укреплений, противотанковых сооружений и т. п. немецкие военные власти мобилизовали местное население в возрасте от 14 до 60 (а иногда и старше) лет.

Осенью 1941 г. на территории тыла группы армий «Центр», куда входили граничащие с РСФСР районы БССР, к выполнению шестидневной дорожной повинности привлекались мужчины 18–45 лет и женщины 18–40 лет⁷. Позднее возрастные рамки были расширены до 50 и 45 лет соответственно; рабочие должны были являться со своими лошадьми и инструментом. В случае, если из-за сельскохозяйственных работ выполнить дорожную повинность было невозможно, с разрешения начальника районной администрации допускалась уплата компенсации в пользу оккупационных властей в размере 15 руб.

за человеко-день и 30 руб. за коне-день. Работа на дорогах местного значения в этот шестидневный срок не засчитывалась⁸. С 1943 г. к обязательной трудовой повинности привлекалась молодежь с 15-летнего возраста⁹. В июне того же года вышло распоряжение командующего тылом группы армий «Центр», согласно которому минимальный возраст рабочих понижался до 14 лет¹⁰.

Понятие «принудительный труд» правомерно распространить на все гражданское население оккупированной территории. Так, крестьяне, кроме традиционных сельскохозяйственных работ и уплаты натуральных налогов, часто принудительно привлекались к выполнению гужевой повинности, торфо- и лесоразработкам, охране железной дороги, разминированию. Охрана по ночам железнодорожных коммуникаций и разминирование шоссейных дорог и полей были связаны с риском для жизни. Горожане с 1943 г. активно использовались оккупационными властями в постройке оборонительных сооружений¹¹.

Созданная летом-осенью 1941 г. местная вспомогательная администрация регистрировала все гражданское население, отдельно выделяя его трудоспособную часть. Отделы труда городских и районных управ направляли местных жителей на постоянную или временную работу, вели учет рабочих и безработных по организациям, проверяли регистрационные карты (мельдекарты), фиксировали количество остарбайтеров и членов их семей, получавших денежное пособие¹². Требования на рабочую силу направлялись предприятиями и учреждениями на биржу труда, откуда запрос передавался в отделы труда местной администрации. В городах рабочая сила мобилизовывалась через старост улиц, в сельской местности — через волостные управы и сельских старост¹³.

За работу на городских предприятиях и в учреждениях люди получали мизерную заработную плату и продуктовый паек; абсолютное большинство рабочих жило за чертой бедности, причем жестокие реалии их трудовой повседневности признавали сами немцы. Отказ от работы карался штрафом, лишением продуктовых карточек, телесными наказаниями или отправкой в трудовой лагерь. Согласно распоряжению оккупационных властей, местная администрация обеспечивала продуктами питания только трудоспособных граждан, направленных биржей труда на работу, а также тех, кто не работал по объективным причинам. К последним относились жители старше 60 лет и инвалиды, чья инвалидность подтверждалась медицинской комиссией, дети до 14 лет и женщины с детьми до 8 лет.

Каждый человек, явившийся на биржу труда, получал регистрационную карту¹⁴. На ее оборотной стороне ставилась отметка: «Работает» или «Не работает». Домоуправление отмечало в карте количество детей, находившихся на содержании рабочего. Регистрационная карта давала право на получение продуктовых карточек. Предприятия ежемесячно собирали карты своих сотрудников и отправляли на биржу труда для регистрации¹⁵. Подобная практика позволяла оккупационным властям следить за тем, чтобы продовольственные карточки не получали те, кто самовольно покинул место работы¹⁶.

В начале июня 1942 г. в ряде оккупированных районов нацисты ввели карточки на хлеб. Продуктовые карточки подразделялись на пять категорий в соответствии со степенью полезности конкретного жителя для немецкой эко-

Недельная норма продуктов питания для работающего населения

Продукты	Категория I	Категория II	Категория III	Категория IV	Категория V
Хлеб, г	553	1105	1300	1400	1580
Крупа, г	88	175	200	225	250
Картофель, г	1250	2500	3000	3500	4000
Мясо, г	0	0	0	75	100
Обезжиренное молоко, л	0	0	0	0,5	0,5
Жиры, г	0	0	0	60	60

Составлено по: Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1944 гг. С. 171.

номики. Дети до 14 лет относились к I группе, ко II — неработающие местные жители, к III — рабочие, IV — рабочие, занятые на тяжелой работе, V — рабочие, занятые на особенно тяжелой работе. Недельная норма продуктов питания для этих пяти групп выглядела следующим образом (таблица).

Необходимо отметить, что нормы продовольственного снабжения могли различаться в зависимости от конкретного региона и имеющихся запасов. Так, по карточкам в Ленинградской области выдавали: 300 г хлеба в день рабочему, 200 г — иждивенцу, 150 г — детям; и 200 г соли в месяц на человека¹⁷. С июля 1942 г. сократились нормы выдачи других видов продовольствия. В Слуцке Ленинградской области лицам, работавшим на предприятиях, в неделю выдавалось 1050 г муки, 200 г крупы, 50 г маргарина и столько же повидла¹⁸.

По немецким оценкам, калорийность пайка работающего составляла 1100 ккал в сутки¹⁹. Хлеб часто содержал различные добавки²⁰. Так, в протоколе совещания о питании советских военнопленных и гражданских рабочих, состоявшегося при Министерстве снабжения Германии 24 ноября 1941 г., отмечалось, что для русских рабочих наиболее выгодная хлебная смесь получается из 50 % ржаной муки грубого помола, 20 % отжимок сахарной свеклы, 20 % целлюлозной муки и 10 % муки из соломы или листьев²¹.

К началу 1942 г. заработная плата в промышленности находилась на довоенном уровне (тогда как цены, особенно на черном рынке, значительно выросли) и не могла гарантировать нормального существования рабочего и его семьи. Население городов и крупных населенных пунктов Ленинградской области, занятое на предприятиях, получало зарплату в размере от 180 до 400 руб. в месяц. Зарплата жителей старше 18 лет, привлеченных к трудовой повинности во Пскове, составила: 1 руб. в час — для чернорабочего; 1 руб. 70 коп. — для специалиста; 2 руб. 50 коп. в час — для мастера и десятника²². Несколько выше заработная плата была в немецких учреждениях и воинских частях, что стимулировало отток туда специалистов из сферы промышленности²³.

Таким образом, в условиях нацистской оккупации местная рабочая сила превращалась в важный стратегический фактор оккупационной политики. Скудное снабжение получало и население пограничных районов Северо-Запада России и Беларуси, проживавшее в сельской местности и привлекаемое к принудительным работам. Так, население Тосненского района Ленинградской области, работавшее на сельскохозяйственных работах в июле — августе 1942 г., получало на неделю хлеба 1500 г, масла — 75–100 г, меда — 75–100 г²⁴. Работавшим на уборке урожая в Сланцевском районе полагалось лишь 300 г хлеба в день²⁵. Рабочие лесопильного завода в Лисино-Корпусе Тосненского района Ленинградской области — 300 г хлеба и 1,5 л жидкого супа в день²⁶. Население Гостилицкого сельсовета Ораниенбаумского района Ленинградской области, занятое на стирке белья, очистке и строительстве дорог, получало заработную плату в размере от 50 до 120 руб. в месяц. Дети и подростки в возрасте до 16 лет получали 45 руб. в месяц. Продовольственный паек для работающих в этом районе составлял 1200 г хлеба в неделю, 50 г жиров и столько же сахара²⁷.

Во всех оккупированных городах и населенных пунктах отмечался саботаж населением мероприятий немецко-фашистского командования. Не исключением стали и предприятия, где использовался принудительный труд. Саботаж носил пассивную форму и выражался в поломке оборудования, невыполнении ежедневных норм выработки продукции, срыве планов ее поставки. Были случаи, когда крестьянин выезжал на лесозаготовки, но дрова вез не на склад, а к своей избе. «Виновной» оказывалась вьюга²⁸. Массовый характер приняло и бегство с трудовых работ. Так, в Плотшинской волости Псковского района Ленинградской области покинули трудовые работы 72 чел.²⁹

Неподчинившиеся и ушедшие с работы без разрешения подвергались денежному штрафу или тюремному заключению (могло быть заменено принудительными работами). На бывшем заводе им. Макса Гельца во Пскове был создан лагерь для рабочих. В нем содержались дети, мужчины и женщины в возрасте от 12 до 70 лет. Кроме того, использовался труд военнопленных³⁰.

Захватив значительную часть пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси, немецко-фашистские оккупанты приступили к насильственному угону советских граждан на принудительные работы в Германию. В вербовке принимали участие местная вспомогательная администрация, немецкие и коллаборационные силовые структуры. Прибегали оккупанты к разверстке населения в Германию, которая распространялась ими по волостям. Комендатура, полицейские и волостные старшины вели набор граждан для последующей отправки в Германию. Сельские старосты по распоряжению районных и волостных управ составляли списки безработных граждан, которых предполагалось отправить в Германию в первую очередь³¹. Чтобы минимизировать негативную реакцию угоняемых людей (не разлучать с родными), немцы предлагали отправлять в Германию целые семьи при условии наличия в них не менее 50 % трудоспособных членов. Из вещей разрешалось брать только то, что можно было унести на себе. Все остальное имущество расхищалось немецко-фашистскими солдатами.

На оккупированной территории СССР нацисты развернули масштабную агитационно-пропагандистскую кампанию, целью которой являлось рекрутирование максимального количества добровольцев³². Объявления немецких вербовочных комиссий всячески рекламировали работу в Германии. Добровольно записавшимся обещали заботиться об остающихся семьях, обеспечить питание по существующим в Германии нормам, отдельную комнату, медицинское и культурное обслуживание. Тяжелые условия работы и жизни в Германии скрывались от населения. Так, в оккупационной газете «За Родину» (г. Дно, Псковский район Ленинградской области) была опубликована статья «Домработницы для Германии», в которой сообщалось о том, что «тысячи рабочих из освобожденных от большевизма областей отправились на сельскохозяйственные и промышленные работы в Германию. Условия жизни требуют большего количества женщин-домработниц 15–35 лет. Получена масса писем от работниц и крестьянок, показывающих хорошие условия работы в Германии». Далее приведено несколько подобных писем. Среди них — письмо некоей Марии Васильевой из Пскова, работавшей в хозяйстве капитана Шенка в Берлине. В ее письме к родным и близким говорится об условиях жизни и работы в Германии: «Я живу очень хорошо... Вчера была в парикмахерской, и мне сделали прическу... я была уже два раза в кинотеатре, каждую субботу я могу купаться в ванне, имею собственную комнату, электрический свет и всякие удобства... Мне подарили босоножки, платье и шляпку»³³.

В пропагандистских материалах на страницах газет, в листовках, на бланках извещений о назначении на работу родственникам остарбайтеров гарантировалась выплата денежного пособия. Однако на практике право на денежные выплаты было крайне ограничено. Кроме того, на фоне существовавших цен размер помощи был мизерным. Если получалось, что в Германию отправлялся единственный кормилец, то семья обрекалась на нищенское существование, при этом продуктовые карточки могли получать только ее нетрудоспособные члены³⁴.

С 1943 г., с началом освобождения советскими войсками оккупированных территорий, началась тотальная борьба за трудовые ресурсы. Нацисты развернули масштабную принудительную эвакуацию на Запад всего трудоспособного населения прифронтовых районов, которая рассматривалась как необходимое условие для победоносного окончания войны. Тотальная эвакуация должна была ослабить трудовой и мобилизационный потенциал СССР в случае освобождения территорий. Однако, несмотря на все усилия, нацистам не удалось эвакуировать большинство трудоспособного населения по причине сопротивления граждан и действий партизан. Стремясь избежать отправки в Германию, многие представлялись больными, подделывали паспорта, вписывали в них несуществующих детей, подкупали старост. Весомый вклад в срыв эвакуационных мероприятий нацистов внесли партизаны. С 1943 г. сохранение трудовых резервов стало одной из приоритетных задач партизанского движения. Партизаны выводили мирное население в контролируемые ими лесные массивы, издавали газеты и листовки, в которых содержались предупреждения об опасности угона в Германию, нападали на колонны и освобождали конвоируемых

в сборные лагеря граждан³⁵. Количество мирного населения, находящегося под охраной партизан, только в одной Полоцко-Лепельской партизанской зоне оценивалось в 100 тыс. чел.³⁶

Наличие в приграничье огромных территорий, находившихся под продолжительным надежным контролем партизан или слабо контролируемых оккупационной администрацией, имело следствием перманентные карательные экспедиции немцев, стремившихся обезопасить коммуникации в тылу группы армий «Центр». В ходе этих акций уничтожались десятки населенных пунктов вместе с мирными жителями, значительная часть трудоспособного населения отправлялась на работу в рейх. После захвата скрывающихся мирных граждан происходила их фильтрация³⁷. Для членов семей партизан, захваченных в ходе карательных операций, изъявление желания добровольно ехать на работу в рейх (если нацисты предоставляли возможность выбора) было способом избежать смерти³⁸. В ряде случаев родственников или жен партизан выдавали сельские старосты, которые были осведомлены о том, кто из односельчан находится в партизанах и с кем они связаны в деревне³⁹. Угнанные таким образом расценивали это как везение, поскольку им удалось таким образом сохранить жизнь⁴⁰.

Нацисты жестоко расправлялись со всеми, кто отказывался от эвакуации. Так, 27 февраля 1944 г. за отказ от отправки в Германию карательные отряды сожгли в домах 180 жителей деревни Пикалиха Псковского района Ленинградской области⁴¹. В деревне Ямсковицы Кингисеппского района Ленинградской области 29 января 1944 г. за отказ эвакуироваться в Германию было расстреляно 24 жителя в возрасте от 2 до 75 лет. Спасалось в лесах от угона в Германию и население деревни Глумицы Волосовского района. В ней оставались только старики и дети. Не найдя трудоспособного населения, оккупанты устроили над ними жесткую расправу⁴².

Общее количество вывезенных на работу в Германию жителей современной Витебской области, согласно данным областной репатриационной комиссии по состоянию на 1 января 1947 г., оценивалось в 68 934 чел.⁴³ На основе анализа тысячи опросных листов бывших остарбайтеров количество добровольцев можно оценить в 6,7 %⁴⁴. В результате работы с поименными списками населения современной Псковской области времен немецко-фашистской оккупации было установлено, что на каторжные работы были отправлены 42 010 чел. Угону в Германию помимо указанных в поименных списках подверглись еще 107 990 жителей, а общее количество угнанных составило 150 000 чел. Эти данные приводятся и в Акте Псковской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о количестве уничтоженного и угнанного населения по районам Псковской области⁴⁵. Из Чудова было насильно угнано 7 тыс. чел. К моменту освобождения в городе осталось 550 жителей. Более 18 тыс. чел. нацисты угнали в Германию из Кингисеппа и Кингисеппского района⁴⁶. Из некоторых волостей оккупационные власти отправляли в Германию поголовно все население, не считаясь с возрастом, состоянием здоровья, семейными обстоятельствами. Так, население Селищенского, Высоковского, Пересвет-Остров-

ского, Переходского, Спасско-Полистского, Большеопочиваловского, Деделевского, Ольховского сельсоветов угнано поголовно, а деревни уничтожены.

По прибытии в Германию направление на работу осуществлялось путем купли-продажи рабочей силы, через биржи труда, заключение в концентрационные лагеря. Советских граждан продавали немецким предприятиям и частным лицам для работ по хозяйству. «По приезде сюда нами была устроена торговля, и нас, девушек, брали, кому сколько угодно, как рабов», — писала О. Селезнева из Кёльна⁴⁷.

Для прибывших в Германию советских граждан был установлен жесткий рабско-крепостнический режим, труд восточных рабочих использовался на постройке оборонительных сооружений, дорог и лесозаготовках. Условия существования восточных рабочих в Германии были тяжелыми. Так, Г. Я. Дубинская, жительница Пскова, угнанная в Германию в марте 1944 г., отмечала, что в город Нойбранденбург людей везли в товарных вагонах под конвоем. По приезде она была направлена на работу на фабрику Рингера. Рабочий день на предприятии продолжался 12 ч, зарплату получали размером в 7–10 марок. Питание состояло из 300 г хлеба, супа из кольраби, брюквы, сушеной капусты два раза в день⁴⁸. Подобные факты содержатся в воспоминаниях А. Г. Тавридович, С. М. Мурановой, Е. В. Алексеевой, А. В. Казаковой, Н. В. Власовой, угнанных в Германию из Ленинградской области⁴⁹.

Об условиях жизни в Германии восточные рабочие сообщали в письмах на Родину. Они спрашивали у родных о проблемах с хлебом и другими продуктами, описывали свои рационы питания и условия проживания: «Живу я у богатого помещика. Работаю почти круглые сутки. За работу мне ничего не платят, только кормят, и то кое-как. Меня здесь не считают за человека»⁵⁰; «Работала я чернорабочей (чистила от ржавчины железо), работала по 12 часов. Оплачивали по 3–4 марки за 10 дней. День по 200 г хлеба и 2 тарелки баланды. Жили в лагере — барак, спали на нарах, теснота ужасная. В баню водили редко. На фабрике я из одежды ничего не получала, носила колодки. В лагере давали спецодежду, в месяц давали пачку соды, иногда 100 г мыла»⁵¹; «Мама, мы встаем в полчетвертого и работаем до 8 часов утра. В 8 утра кушаем 4 маленьких ломтика хлеба с кофе, а в полдень суп с картошкой с одной и вечером такой же, только утром хлеб дают»; «Я попал в Германию, в город Гамбург... Работаю в порту по погрузке и разгрузке разного груза, живем в лагерях. Нас не пускают никуда, кроме работы. Работаем много... Кормят один раз в сутки, один литр супа, 400 г хлеба, немножко колбасы и масла. Работаем, как приехали, без выходных, частенько ребят бьют. Моисеева Петра повесили за то, что он украл немного сыра на работе»⁵²; «Везли в переполненных товарных вагонах — грязных. Питанием обеспечены не были. Голодали. Питались тем, кто что имел»⁵³.

Таким образом, путем обмана, угроз и насилия сотни тысяч мирных советских граждан, включая детей, подростков и женщин, были угнаны на принудительные работы в Германию. Их письма на Родину являются свидетельствами жестоких преступлений нацизма. Принудительный труд на оккупированной пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси, насильственный

угом населения в Германию, зверская эксплуатация и систематическое истребление советских мирных жителей занимают особое место в длинной цепи преступлений немецко-фашистских захватчиков, ответственность за которые не имеет срока давности.

¹ Кулинок С. В. Документальные источники национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 74–86; Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 8–21; Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Там же. № 2 (16). С. 44–67; Красноженова Е. Е., Кулик С. В. Сталинград в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 — февраль 1943 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 841–853; Красноженова Е. Е., Kulik S. V. The problems of Economic Development of the Cities of the Russian Province in 1941–1945 (on the Materials of the Lower Volga Region) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. № 272 (3), art. 032168. DOI:10.1088/1755-1315/272/3/032168; Красноженова Е. Е., Karabushchenko P. L., Polikova M. V. Military everyday life in decisions of the Stalingrad City Defense Committee (1941–1945) // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 175–181; Мартыненко В. Л. Эвакуация немецкого населения из оккупированных районов Ленинградской области зимой — весной 1942 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 900–913; Ковалев Б. Н., Феферман К. М. Исламский и тюркский факторы в нацистской пропаганде на оккупированной территории России (1941–1944 годы) // Там же. 2020. Т. 10, № 2. С. 348–365; Гребень Е. А. Специфика оккупационной повседневности Беларуси 1941–1944 годов // Ученые записки УО ВГУ им. Машерова. 2020. Т. 31. С. 34–37.

² Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные и их репатриация. М., 1996; Белорусские остарбайтеры: историко-аналитическое исследование / под ред. Г. Д. Кназько. Минск, 2001; Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1944 гг. / пад. рэд. А. М. Літвіна. Мінск, 2010; Гаража Н. А. Гендерный аспект трудоустройства советских граждан на территории Третьего рейха в период Второй мировой войны // Былые годы. 2015. № 35 (1). С. 185–191; Гаража Н. А. Понятийное измерение контекста трудоустройства советских граждан в экономике нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2017. Т. 16. № 4. С. 656–669; Красноженова Е. Е., Кулинок С. В. К вопросу об использовании немецкой разведкой гражданского населения СССР в 1941–1944 годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 609–621; и др.

³ Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1944 гг. С. 85–86.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-8557. Оп. 6. Д. 1116. Л. 1–35.

⁵ Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Вып. 2. М., 1945. С. 347–348.

⁶ Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004. С. 157.

⁷ Государственный архив Витебской области (далее — ГАВт). Ф. 2074. Оп. 1. Д. 50. Л. 40.

⁸ Там же. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 81. Л. 66.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 62.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 81. Л. 5; Д. 6. Л. 1; Д. 26. Л. 79.

¹² Там же. Ф. 2087. Оп. 2. Д. 10. Л. 120.

¹³ Там же. Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1. Л. 54; Ф. 2074. Оп. 1. Д. 38. Л. 197.

¹⁴ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. Д. 953. Л. 162.

¹⁵ Там же. Л. 162–163.

- ¹⁶ Белорусские оstarбайтеры: историко-аналитическое исследование. С. 87.
- ¹⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. Р-116^л. Оп. 2. Д. 36. Л. 28.
- ¹⁸ Там же. Д. 35. Л. 42 об.
- ¹⁹ НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 969. Л. 12.
- ²⁰ Там же. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 98. Л. 37.
- ²¹ Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1968. С. 171.
- ²² Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 16. Л. 101.
- ²³ НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 969. Л. 11.
- ²⁴ ЦГА ИПД. Ф. Р-116^л. Оп. 2. Д. 36. Л. 9.
- ²⁵ Там же. Л. 15.
- ²⁶ Там же. Л. 10.
- ²⁷ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее — ГКУ ЛОГАВ). Ф. Р-1249. Оп. 1. Д. 169. Л. 82.
- ²⁸ ЦГА ИПД. Ф. Р-116^л. Оп. 8. Д. 36. Л. 106.
- ²⁹ Там же. Л. 107.
- ³⁰ ГАПО. Ф. Р-2379. Оп. 1. Д. 37. Л. 12–30.
- ³¹ ГАВг. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1. Л. 14–14 об.
- ³² Там же. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 95. Л. 40; Сельскохозяйственный листок. Прил. к газ. «Новый путь» (Витебск). 1942. 12 мая. С. 1.
- ³³ За Родину (Дно). 1942. 3 нояб., № 47. С. 3.
- ³⁴ ГАВг. Ф. 2074. Оп. 13. Д. 2. Л. 45.
- ³⁵ В непокоренном Минске. Документы и материалы о подпольной борьбе советских патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944) / под ред. Р. П. Платонова. Минск, 1987. С. 147.
- ³⁶ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. / под ред. А. Н. Мацко и др. Т. 3. Минск, 1985. С. 203.
- ³⁷ Беседа со Стельмах А. И. (29 минут на белорусском языке) // Архив Е. А. Гребеня.
- ³⁸ Беседа с Петьюко М. И. (44 минуты на белорусском языке) // Архив Е. А. Гребеня.
- ³⁹ Беседа с Буйницкой Г. Н. (1 час 12 минут на белорусском языке) // Архив Е. А. Гребеня.
- ⁴⁰ Беседа с Василевской Н. В. (46 минут на русском языке) // Архив Е. А. Гребеня.
- ⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 894. Л. 5–6.
- ⁴² ГКУ ЛОГАВ. Ф. Р-1249. Оп. 1. Д. 169. Л. 83–84.
- ⁴³ Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы: в 2 кн. Кн. 2. Минск, 1997. С. 381; ГАВг. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 2. Л. 508.
- ⁴⁴ ГАВг. Ф. 2784. Оп. 1. Д. 53–81.
- ⁴⁵ ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 3. Д. 1. Л. 84; Д. 111. Л. 1–7.
- ⁴⁶ ГКУ ЛОГАВ. Ф. Р-1907. Оп. 1. Д. 60а. Л. 14–17.
- ⁴⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-116^л. Оп. 2. Д. 55. Л. 2.
- ⁴⁸ ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 3. Д. 500. Л. 31–32 об.
- ⁴⁹ ГКУ ЛОГАВ. Ф. Р-682. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–4 об.; *Иванова И. А.* За блокадным кольцом. (Воспоминания). СПб., 2010. С. 130, 140.
- ⁵⁰ За колхоз (Остров). 1943. 26 февр.
- ⁵¹ ГАПО. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 1451. Л. 165–166 об.
- ⁵² ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-116^л. Оп. 2. Д. 55. Л. 3, 20.
- ⁵³ ГКУ ЛОГАВ. Ф. Р-931. Оп. 1. Д. 44. Л. 101–102 об.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2021 г.
Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Красноженова Е. Е., Гребень Е. А. Принудительный труд населения в условиях нацистской оккупации 1941–1944 гг. (на материалах пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России) // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 4. С. 908–920.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.405>
УДК 94(47).084.8

Аннотация: В статье рассмотрены особенности использования принудительного труда гражданского населения пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России в условиях нацистской оккупации 1941–1944 гг. Гражданское население выполняло те или иные работы в пользу оккупационных властей. Крестьяне, кроме традиционных сельскохозяйственных работ и уплаты натуральных налогов, часто принуждались к выполнению гужевой повинности, торфо- и лесоразработкам, охране железной дороги, разминированию. Горожане активно использовались оккупационными властями в постройке оборонительных сооружений, привлекались к работе на промышленных предприятиях. Отказ от работ карался штрафом, лишением продуктовых карточек, телесными наказаниями, отправкой в трудовой лагерь или расстрелом. Вынужденное работать на предприятиях, в учреждениях и сельском хозяйстве население получало мизерную заработную плату и продуктовый паек, абсолютное большинство работников жило за чертой бедности. Особое место среди преступлений нацизма на территории Северо-Запада России и Беларуси, где оккупация была наиболее продолжительной, занимает насильственный угон населения в Германию. Из некоторых мест оккупационные власти отправляли в Германию поголовно все население, не считаясь с возрастом, состоянием здоровья, семейными обстоятельствами. Для обеспечения нацистской экономики рабочей силой оккупационные власти значительное внимание уделяли агитационной работе и организации вербовочных кампаний. Однако это не способствовало росту добровольцев. Напротив, в оккупированных регионах отмечался саботаж местными жителями распоряжений немецко-фашистского командования. Не исключением стали предприятия, где использовался принудительный труд, а также мероприятия по угону гражданского населения в Германию.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад России, Беларусь, оккупация, преступления, принудительные работы, угон в Германию, восточные рабочие, биржи труда, лагеря.

Сведения об авторах: Красноженова Е. Е. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия); eleena@inbox.ru | Гребень Е. А. — канд. ист. наук, доц., Белорусский государственный аграрный технический университет (Минск, Республика Беларусь); greben.evgenij@gmail.com

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

Белорусский государственный аграрный технический университет, Республика Беларусь, 220023, Минск, пр. Независимости, 99

FOR CITATION

Krasnozhenova E. E., Greben E. A. 'Forced Labor of the Population under the Nazi Occupation of 1941–1944 (Based on the Materials of the Border Territory of Belarus and the North-West of Russia)', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 908–920.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.405> (In Russian)

Abstract: The article investigates features of forced labor in the border territory of Belarus and the North-West of Russia during Nazi occupation of 1941–1944. The Wehrmacht used forced labor both in Germany by hijacking Soviet citizens there, and in industrial enterprises and in agriculture of the occupied territories. The civilian population was involved in the performance of certain work in favor of the occupation authorities. Peasants, in addition to traditional agricultural work and payment of in-kind taxes, were often forcibly involved in performing horse-drawn duties, peat and logging, railway protection, and mine clearance. Citizens were actively used by the oc-

copying authorities to construct defensive structures and to work at industrial enterprises. Refusal to work was punishable by a fine, deprivation of ration cards, corporal punishment, and sentencing to a labor camp or shooting. Forced to work in enterprises, institutions, and agriculture, the population received meager wages and food rations, and the vast majority of workers lived below the poverty line. A special place among the crimes of Nazism in the territory of the North-West of Russia and Belarus, where the occupation went on the longest, is occupied by the forcible deportation of the population to Germany. From some settlements, the occupation authorities sent entire local populations to Germany without regard to age, health, or family circumstances. To provide the Nazi economy with labor, the occupation authorities paid considerable attention to propaganda among the population and the organization of recruitment campaigns. However, this did not contribute to raising the number of volunteers; instead, local residents in the occupied regions sabotaged the orders of the German-fascist command.

Keywords: Great Patriotic War, North-West of Russia, Belarus, occupation, crimes, forced labor, hijacking to Germany, eastern workers, labor exchanges, camps.

The research was funded by Russian Foundation for Basic Research and BRFB, project no. 20-59-00004; G20R-287 "People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941–1944".

Authors: *Krasnozenova E. E.* — Dr. Sci. in History, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia); eleena@inbox.ru | *Greiben E. A.* — PhD in History, Associate Professor, Belarusian State Agrarian Technical University (Minsk, Republic of Belarus); greiben.evgenij@gmail.com

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Politekhicheskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russia
Belarusian State Agrarian Technical University, 99, pr. Nezavisimosti, Minsk, 220023, Republic of Belarus

References:

- Belarusian Ostarbeiters: a historical and analytical study*, ed. by G. D. Knatko (Minsk, 2001). (In Russian)
- Gavrilova O. A., Khodjakov M. V. 'The Manufacturing of Ration Cards in the Besieged City of Leningrad, 1941–1943', *Modern History of Russia*, no. 2, 2016. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.203> (In Russian)
- Garazha N. A. 'Conceptual dimension of context of using Soviet citizens' labour in the Nazi Germany economy (1941–1945)', *RUDN Journal of Russian History*, vol. 16, no. 4, 2017. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-4-656-669> (In Russian)
- Garazha N. A. 'Gender Aspect of Soviet Citizens' Labour use on the Territory of the Third Reich During the World War II', *Bylye Gody*, vol. 1, no. 35, 2015. (In Russian)
- Greiben E. A. 'The specifics of everyday life in Belarus during the 1941–1944 occupation', *Uchenye zapiski UO VGU im. Masherova*, no. 31, 2020. (In Russian)
- Ivanova I. A. *Behind the blockade ring (Memories)* (St. Petersburg, 2010). (In Russian)
- Kovalev B. N., Feferman K. M. 'Islamic and Turkic Factors in the German Propaganda in the Occupied Territory of Russia (1941–1944)', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 2, 2020 (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.205>
- Kovalev B. N. *Nazi occupation and collaboration in Russia. 1941–1944* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Krasnozenova E. E., Kulik S. V. 'Stalingrad during the German-fascist Occupation (July 1942 — February 1943)', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.403> (In Russian)
- Krasnozenova E. E., Kulik S. V. 'The problems of Economic Development of the Cities of the Russian Province in 1941–1945 (on the Materials of the Lower Volga Region)', *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 272 (3), no. 032168, 2019. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/272/3/032168>
- Krasnozenova E. E., Karabushchenko P. L., Polikova M. V. 'Military everyday life in decisions of the Stalingrad City Defense Committee (1941–1945)', *Voprosy Istorii*, vol. 3, no. 12, 2019. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi71>
- Krasnozenova E. E., Kulinok S. V. 'On the Question of Using the Civilian Population of the USSR by German Intelligence in 1941–1944', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 3, 2020. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.304> (In Russian)
- Kulinok S. V. 'Documentary Sources of the National Archives of the Republic of Belarus on the Activities of German Reconnaissance and Sabotage Schools on the Territory of Belarus in the Days of the Great Patriotic War', *Herald of an archivist*, no. 4, 2016. (In Russian)

Martynenko V. L. 'Evacuation of the German Population from the Occupied Areas of the Leningrad Oblast in Winter — Spring 1942', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 4, 2019. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.404> (In Russian)

National struggle in Belarus against the Nazi invaders during the Great Patriotic War, in 3 vols, ed. by A. N. Matsko (Minsk, 1985). (In Russian)

Polyan P. M. *Victims of two dictatorships. Ostarbeiters and prisoners of war and their repatriation* (Moscow, 1996). (In Russian)

Return to slavery: forced labor of the population of Belarus 1941–1944, ed. by A. M. Litvin (Minsk, 2010). (In Belarusian)

Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Food Commission of Leningrad Front Military Council in 1942', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.101> (In Russian)

Received: May 20, 2021

Accepted: September 6, 2021